

УДК 09

ОБРАЗ ФАРИСЕЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ ХРИСТИАНСТВЕ: РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Краснова Алина Георгиевна

старший научный сотрудник
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее существенные характеристики фарисейства как феномена внутренней религиозной жизни христианина. С помощью анализа религиозно-психологического аспекта фарисейства выявлены некоторые черты его образа, которые позволяют детализировать его целостное описание. В данной статье выделены и рассмотрены такие черты фарисейства как лицемерие, склонность к осуждению, законничество, морализм, причем рассмотрены с точки зрения особенностей их проявления в духовно-эмоциональной сфере человека.

Ключевые слова: фарисейство; лицемерие; осуждение; суррогатная форма религиозности; законничество; психологические особенности; внешняя религиозность.

THE IMAGE OF PHARISAISM IN MODERN CHRISTIANITY: RELIGIOUS-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Krasnova Alina Georgievna

superior scientific researcher
Southern Federal University, Rostov-on-Don

Abstract. The article considers the most essential characteristics of Pharisaism as phenomenon of internal religious Christian life. By means of the analysis of religious and psychological aspect of Pharisaism are manifested some lines of its image which allow to detail its complete description. In the article are allocated and considered such characteristics of Pharisaism as hypocrisy, tendency to condemnation, legalism, moralism, and these characteristics are considered from the point of view of features of their manifestation in the spiritual and emotional sphere of human.

Key words: pharisaism; hypocrisy; condemnation; a surrogate form of religiosity; legalism; psychological features; external religiosity.

Предметом нашего научного изучения является феномен фарисейства как особый образ религиозности в православном христианстве. Данное явление имеет, на наш взгляд, несколько особенностей, которые важно учитывать при его изучении: во-первых, фарисейство является, прежде всего, феноменом внутреннего мира человека, поэтому во внешнем мире проявляется опосредованно (через общение, поведение и т.д.); во-вторых, фарисейство является устойчивым качеством человеческой личности, которое влияет на образ мыслей, поведение и в целом на образ жизни человека, при этом часто остается неосознанным; в-

третьих, образ фарисейства имеет множество оттенков, признаков, характеристик, которые в совокупности образуют «портрет» человека-фарисея. Следовательно, фарисейство, по нашему мнению, является сложным, многогранным феноменом, который следует изучать с различных сторон его проявления: он имеет и конкретную историческую форму, и своеобразную религиозную феноменологию, и личностно-психологическую составляющую, и морально-этическую сторону, а также может выступать и как социально-религиозное, социально-психологическое явление.

Как нам представляется, изучение образа фарисейства является весьма актуальным в настоящее время, поскольку оно, являясь столь многоплановым, влияет также на многие аспекты жизни человека: пагубно отражается как на самом человеке, его внутреннем мире, так и на его окружении, и на жизни христианской церкви в целом во всех его деноминациях. В данной работе речь пойдет о том, как фарисейство проявляется в личностно-психологических особенностях христиан, что позволит нам, в конечном счете, обрисовать некоторые черты образа фарисейства как целостного феномена.

Ввиду многогранности фарисейства, о которой мы говорили выше, нам представляется невозможным, да и малоинформативным, дать единое законченное определение понятию фарисейства. Следовательно, мы избрали метод описания образа данного явления, чтобы, через выявление его существенных характеристик, подойти к пониманию его сущности. В целом же под фарисейством принято понимать нечто синонимичное лицемерию и ханжеству. Это слово используется как в обычном языке, хотя и редко, так и в церковном обиходе. В христианской культуре представление о фарисействе сложилось на основе Священного Писания Нового Завета – в нем в основном благодаря полемике Иисуса Христа с фарисеями – представителями одного из направлений иудаизма – сложился определенный образ фарисейства, который далее

получил самостоятельную жизнь в опыте жизни церкви. Фарисейство получило нарицательное значение, и его смысл отошел от иудейского понимания и обрел в христианстве совершенно иное содержание. Здесь мы уже сталкиваемся с понятием «греха фарисейства», или «болезни фарисейства», под которым подразумевается целый комплекс грехов и греховных страстей, таких как лицемерие, ложь, гордыня, превозношение, самомнение, тщеславие, осуждение. Полной ясности в определении, как мы уже говорили, нет, но мы на нее и не ориентируемся. Вместо этого мы предлагаем более подробно рассмотреть особенности различных его проявлений, в данном случае – личностно-психологическую проблематику фарисейства, проявляющуюся в современной религиозной жизни христиан.

Одним из главных сущностных качеств, характеризующих фарисейство, является лицемерие, которое еще можно назвать двойственностью. Сущность лицемерия состоит в том, что оно является онтологической формой лжи, в этом смысле оно ложится в основу, становится фундаментом религиозной веры, превращая ее в целом в ложь, лукавство. Причем эта лживая основа невидима часто для самого человека, такой верующий выглядит, например, православным, мыслит сообразно православному миропониманию, говорит и действует согласно православной религиозности. Поэтому и для себя, и для окружающих становится не так просто распознать ложность этого образа примерного христианина, который являет собою такой фарисей. Внутренний смысл лицемерия сводится к двойственности внутреннего мира его носителя – такой человек тратит все силы на поддержание внешнего образа благочестия, добродетельности и одухотворенности, но при этом внутреннее содержание этого внешнего образа имеет под собой неосознаваемую иную мотивацию. Эта мотивация может быть различной (возвыситься над другими, кому-то что-то доказать, быть идеальным в собственных или чужих глазах, ощущать себя достойным высших духовных благ и

т.д.), суть ее сводится к одному – это эгоистические мотивы, по большому счету не имеющие под собой собственно духовной основы. Следовательно, вся религиозная жизнь человека в таком случае будет корениться в этой мотивационной двойственности. При внешнем фасаде человека добродетельного, его внутренняя религиозная жизнь будет строиться вокруг этих своекорыстных мотивов, требующих удовлетворения в активной внешней форме религиозности, и поэтому такой человек часто безупречно и скрупулезно исполняет все церковные предписания, все внешние формы христианского служения и благочестия. Таким образом, форма лишается своего действительного, подлинного содержания, а, следовательно, становится лживой, лукавой – зло рядится в одежды добра. По выражению одного из христианских святых, преподобного аввы Дорофея, это ложь самой своей жизнью: «Лживый человек... говорит о добродетелях и хвалит их, и удивляется им, как будто сам поступал так и знает их по опыту; таковой лжет самой жизнью своей; это не простой человек, но двойственный, ибо иной он внутри, и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава» [1, с. 75].

Не осознавая зачастую своего положения, такой фарисей обманывает сам себя, так что его фарисейство проявляется лишь в косвенных признаках. Один из таких признаков – осуждение. Оно произрастает из того искажения внутреннего видения реальности, какое фарисейское расположение души производит в человеке. А именно, оно смещает акценты с себя на других, заставляет видеть себя исключительно, или преимущественно, в свете добродетели, других же в свете греха. Святитель Игнатий Брянчанинов по этому поводу писал: «Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего... Соблазн есть болезненный взгляд на немощи ближнего, при котором эти немощи возрастают до необъятной, уродливой величины. Соблазн есть исчадие самолюбия, вселяющееся в душу, чуждую любви к ближнему и правиль-

ной любви к себе» [2]. Осуждение ярко проиллюстрировано в Евангелии от Луки, в притче о мытаре и фарисее. Эту притчу рассматривает в своих поучениях преподобный авва Дорофей. В поучении под названием «О том, чтобы не судить ближнего», преподобный отец говорит о том, что главный грех фарисея в этой притче состоял в том, что он не просто благодарил Бога за свои добродетели, а сравнил при этом себя с мытарем, и тем самым «он осудил самого человека, само расположение души его и, кратко сказать, всю жизнь его» [1, с. 49]. Это осуждение не поступков, а приговор другому человеку как грешнику, это и подчеркивает авва Дорофей. Такой подход позволяет фарисею становиться, условно говоря, даже на позицию Самого Бога, наделенного исключительным правом суда над другими. Осуждение как греховная болезнь является, согласно православной аскетике, признаком искажения совести, которое проявляется в «уклонении суда от себя на других» [3, с. 448]. Вместо того чтобы обличать самого себя, человек, зараженный этой греховной болезнью, осуждает других, а себя часто оправдывает, явно или косвенно, или, по крайней мере, всячески уклоняется от размышления над своей душой, своими поступками, откладывая суд над самим собой на неопределенное время. «Осуждающий и унижающий ближнего, – по тонкому замечанию Отцов, – невольно выставляет себя праведником, может быть, не произнося этого словом или даже не понимая этого» [4, с. 282]. На наш взгляд, механизм осуждения строится на изначальной позиции неравенства, которая проявляется как признак фарисейского устройства души – себя человек так или иначе не идентифицирует с грешником (другим), которого он мыслит, таким образом, ниже собственного достоинства. Такое осуждение встречается достаточно часто в современной приходской жизни (в частности, православной), причем далеко не всегда осознается ее носителями и, следовательно, не является предметом исповеди, однако влечет за собой достаточно массивный слой социальных проблем в церкви. Это, например, такая пробле-

ма, как деление некоторыми прихожанами людей на «своих» (воцерковленных) и «чужих» (невоцерковленных) и подспудно возникающее осуждение «чужих», отношение к ним как к людям более низкого сорта. Следствием такого отношения часто бывает религиозно мотивированная агрессия, чуждая позиции подлинной христианской любви.

В сущности, фарисейство представляет собой суррогатную форму религиозности, когда основой религиозной веры выступает нравственный религиозный закон со всей его внешней атрибутикой, а не взаимоотношения человека с Богом. Собственно, «религиозная вера по своей психологической природе носит характер взаимоотношений человека с Богом» [5, с. 53]. Однако, как нам представляется, лицемерная, фарисейская вера мимикрирует под действительные отношения с Богом, невидимым образом даже для самого человека-носителя такой веры, ибо он мнит о себе часто, что находится в близких отношениях с Богом, и в этом смысле эти отношения представляют собой данность его внутренней, психологической реальности. В этом смысле фарисейство, опять-таки, становится формой самообмана, порождает самомнение и самообольщение. В экзистенциальном смысле фарисейство показывает отсутствие действительной, бытийной (влияющей на все проявления человеческого бытия) встречи человека с Богом. Если человек пережил в своей жизни такую Встречу, его восприятие всего в Церкви становится глубоко личным, и он в своей жизни старается организовать взаимодействие с Богом, со-работничество, со-общение. Если такой встречи не происходит, то она подменяется чем-то другим – встречей с обрядом, с нравственным учением, со своими личными вторичными выгодами от причисления себя к чадам Церкви (бесплатное проживание, работа, нахождение в коллективе-общине, приятное времяпрепровождение, снятие тревоги и стресса и т.д.). И тогда религиозная вера становится во многом продуктом умствования, интеллектуальным конструктом, служащим человеку основой для объяснения событий жизни, для рассуждения

об окружающем мире, а то и для осуждения других. И в случае наличия Встречи, и в случае ее отсутствия, если религиозные мотивы играют существенную роль в поведении человека, то мы его, безусловно, называем человеком верующим. Но, как мы видим, разница кроется в самой внутренней составляющей этой религиозной веры – какое основание за ней стоит, что является ее фундаментом и отправной точкой, что ее питает и на чем держится ее мотивация.

Мимикрия фарисейства под действительную духовную жизнь происходит так, что отсутствие любви в душе человека, ее бесплодность, и порождает фарисейство как замену этой любви. Механизм здесь, возможно, таков, что пустота в человеческой душе, образуемая вследствие отсутствия подлинной духовной жизни (отношений с Богом), отсутствия любви, но при этом желание человека чувствовать себя добродетельным и причастным к духовным благам, начинает заполняться суррогатами этих добродетелей. Не имея духа любви, такие люди начинают строить свою религиозную жизнь на букве закона как на жестких религиозных ориентирах, а законничество, соответственно, лишенное христианского духа, становится на позиции первенства в решении религиозных вопросов. Это, можно сказать, такая форма экзистенциальной тревоги, когда внутренняя пустота, внутренний духовный вакуум не дает человеку покоя, и он должен эту пустоту чем-то прикрыть, и самым условно безопасным здесь становится путь религиозных канонов и правил, исполняя которые, человек мнит себя добродетельным и достойным спасения, чем и снимается внутренняя тревога, а с ней и бдительность относительно собственной души. Однако эти же мерилы в виде правил-ориентиров человек возлагает и на других, причем часто даже в более жесткой форме. Такой юридический, можно сказать, подход чужд подлинно христианскому пониманию закона как вспомогательному ориентиру, вторичному по отношению к любви. Собственно, законничество становится здесь основным признаком такой мимикрии. Оно, в свою

очередь, характеризуется морализаторским, стереотипным мышлением. Оно предполагает не только «черно-белое» восприятие, безапелляционно разграничивающее людей на «праведников» и «грешников», этику «двойных стандартов» и признание за собой морального права на такой суд, но и дискриминацию людей по нравственному, религиозному, национальному и другим признакам. Основываясь на букве закона, такому человеку практически не удастся избежать стереотипизации мышления и предрассудков, влекущих такую дискриминацию и оправдывающих моральное, а то и физическое насилие [6, с. 255-261; 7, с. 5-12]. Он, как правило, проявляет себя как тонкий знаток догматики, а также различных церковных правил, канонов, предписаний и т.д., и берет их за основу не только в собственной религиозной жизни, но и жизни всех окружающих его людей; на этой основе он считает себя вправе выносить справедливый, с его точки зрения, суд, снимая при этом с себя ответственность за него и перенося ее на авторитет церкви или на Самого Бога, выступающего в качестве Источника Закона. Такой суд зачастую является основой для манипулирования и давления на окружающих, в том числе в виде запугивания (Страшным Судом, адскими муками, дьяволом и т.д.). Здесь фарисейство, как нам представляется, также может выступать в качестве подспудной внутренней основы для религиозно мотивированной агрессии.

Это законничество часто делает таких христиан активными борцами против любых проявлений религиозности, не вписывающихся в их представления о некой «правильной» форме служения Богу, что выявляет их чрезвычайный догматизм и бюрократизм веры. Приверженность форме выдает их ригидность мышления – они часто становятся неспособны увидеть уникальное в каждой человеческой личности и жизненной ситуации, вместо этого держатся за раз и навсегда принятые за истину, закостенелые религиозные установки, в которых они видят опору своей и чужой религиозной жизни. «Такие люди часто находят свое «призвание»

в постоянном поиске инакомыслящих, «еретиков», «обновленцев» и т.п. Сами они занимают позицию, которую принято называть ультраконсервативной» [8]. То есть, такой активный поиск «врагов Церкви» становится вроде как оправданным способом выражения позиции праведного судьи, которую часто занимают такие христиане. В этой позиции они имеют возможность более или менее легитимно проявлять свое навязчивое стремление судить других с точки зрения религиозного Закона, которому они, по сути дела, служат, и выражать свой «праведный гнев» по отношению к «грешникам». За этим, как видится, стоит нечуткость и черствость их духовно-эмоциональной сферы, что, опять-таки, заключается в отсутствии подлинно христианской любви, которое прикрывает собой фарисейство.

Психологические особенности фарисейства во многом имеют сходство с так называемым обсессивно-компульсивным синдромом. В психологии общеизвестно, что особенностью этого синдрома является, с одной стороны, наличие навязчивых идей (обсессий) в виде определенных мыслей, воспоминаний, страхов и т.д., а, с другой стороны, наличие столь же навязчивых действий (компульсий) в виде постоянно повторяющихся обрядов, ритуалов и т.д., назначение которых – избавиться от обсессий. Таким образом, присущая православным верующим фарисейского типа внешняя религиозность в виде дотошного следования всем обрядам, правилам и ритуалам выдает в них, как правило, глубинные навязчивые страхи, которые они этими ритуалами пытаются компенсировать. По нашему мнению, главным из таких глубинных страхов является экзистенциальный страх перед свободой и ответственностью, в то время как эти категории являются одними из основополагающих в подлинно христианском миропонимании. Избегая ответственности за свою жизнь и, как следствие, неспособность взять на себя бремя свободы, порождает у такого христианина и страх перед Богом как строгим судьей. Естественно, что такое мироощущение порождает навязчивое ис-

полнение всех установленных религиозных предписаний, чтобы справиться с этим страхом перед «карающим» Богом. Внутренняя тревога сделать что-то «не так» (страх) и стоящая за ней экзистенциальная пустота (пустота как отсутствие отношений любви с Богом) требуют от такого христианина-фарисея постоянного контроля над собой, постоянного волевого напряжения. Таким образом, еще одним признаком фарисейства, в данном случае – психологическим, является гипертрофированность и ложная направленность волевого начала. «Быстро усвоив, что подобает, а что нет верующему человеку, но ежеминутно принуждает себя чувствовать и думать «то, что надо». Он прикладывает к этому максимум усилий, фактически «сублимируя» свои глубинные страхи, но при этом создавая лишь иллюзию праведности» [8]. Все это ведет, например, к образованию такой проблемы современной православной церкви, как обрядоверие – во главу угла ставится внешнее исполнение обряда, так как видимое дает ощущение хоть какой-то гарантии праведности и благочестия, во внутреннем же, подлинно духовном мире, какие-либо гарантии отсутствуют, то есть не помогают снимать эту внутреннюю перманентную тревогу. Поэтому для таких христиан характерно постоянное самопринуждение к тому, что считается «правильным» – к проигрыванию роли примерного христианина во всех сферах своей жизни, а также постоянное тревожное и мелочное самокопание с целью поиска того, что «не так» (поиску несоответствий имеющемуся шаблону). Однако такое самоугрызение не имеет ничего общего с действительным покаянием, так как все внимание здесь заостряется на собственной личности, на соответствии или несоответствии внешнего проявления и внутреннего идеального образа, на анализе обстоятельств совершенных грехов, на чем угодно, что уводит в сторону от главного – отношений души с Богом.

Кроме того, для христиан, подверженных фарисейству, отличительную черту составляет так называемое магическое мышление, порождаю-

щее множество суеверий и подкрепляющее обрядоверие: вера в могущество ритуала самого по себе, проявляющееся в убежденности в том, что доскональное исполнение определенной последовательности действий дает некие гарантии безопасности или непременно ведет к желаемым последствиям. Например, среди православных прихожан существует верование, что вычитывание перед сном полностью вечернего молитвенного правила гарантирует божественное ограждение от нападения бесовских сил на протяжении всего ночного сна (о внутреннем состоянии молящегося во время такого вычитывания, конечно же, ничего не говорится).

Как такой человек мелочно выискивает в своей жизни несоответствия подобающему образу идеального христианина и находит в этом повод к самоукорению (считая это покаянием), также в найденных соответствиях он находит повод к самовозвышению и горделивой кичливости (пусть даже не выражающейся прямым образом вовне). Собственно, фарисейская подспудная убежденность в своем праве быть уполномоченным судить ближних и строится на этом видении собственных заслуг. Гордыня, как общеизвестно из аскетического учения православной церкви, является корнем всех грехов, а также признается одним из главных смертных грехов в католичестве и протестантизме. В том числе, из нее произрастает и грех фарисейства, с той особенностью, что здесь гордыня имеет оттенок претензии на заслуженность духовных благ, порождаемой теми усилиями, которые такой христианин вкладывает в создание и поддержание иллюзии себя как благочестивого праведника. Следствиями такой претензии, осознанно или, что чаще, неосознанно живущей в душе, могут являться чувство собственной избранности Богом и самомнение, которое выступает как один из видов так называемой «прелести» (в восточном христианстве «прелесть» означает состояние прельщения дьяволом). С этой точки зрения, не каждый гордец, конечно, является фарисеем, но фарисейство непременно имеет под собой одну из форм гордыни.

Таким образом, рассмотрев религиозно-психологический аспект феномена фарисейства, мы можем выделить следующие сущностные черты этого явления: 1) лицемерие, обладающее свойством лжи в ее онтологической форме; 2) суррогатная религиозность, при которой внешние формы благочестия становятся заменой действительных отношений с Богом и подлинно христианской любви; 3) законничество и обрядоверие как опоры религиозной жизни, выдвигаемые в качестве ориентира своей жизни и считающиеся обязательными для других; 4) тревога и страх, имеющие форму навязчивости, в том числе, проявляющийся вовне в виде религиозно мотивированной агрессии, манипулирования или запугивания; 5) образ Бога как судьи, учителя, законодателя и т.п., в котором преобладают негативные черты; 6) гипертрофированность и ложная направленность волевого начала человека, которое проявляется в постоянном самопринуждении и самоконтроле, в перманентных усилиях по созданию и поддержанию иллюзии себя как благочестивого праведника; 7) гордыня, отличительной особенностью которой является чувство собственной избранности Богом и самомнение, а также толкающее человека на активные действия в качестве борца с «врагами Церкви». Выявленные нами данные черты фарисейства, отражающие его религиозно-психологический аспект, являются важными дополнениями к целостному образу этого сложного и многогранного явления.

Список использованных источников

1. Избранные поучения преподобного аввы Дорофея для мирян. М.: Изд-во «Лоза», 2008. 128 с.
2. Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты. Т. 1. Фарисей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?id=806&page=book> (дата обращения: 19.05.2015).
3. Вадим Коржевский, свящ. Пропедевтика аскетики: компендиум по православной святоотеческой психологии. М.: ЦИТИИ, 2004. 648 с.
4. Игнатий (Брянчанинов), свт. Т.4. Аскетические проповеди. М.: Изд-во «Правило веры», 1993. 550 с.
5. Двойнин А.М. Психология верующего: Ценностно-смысловые ориентации и религиозная вера личности. СПб.: Речь, 2011. 224 с.
6. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
7. Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5-12.
8. Бочаров А.С., Чернышев А.В. Очерки современной церковной психологии. Иваново: Свет Православия, 2004. 304 с.